

**Центр научных работников и преподавателей иудаики
в вузах «Сэфер»
Межрегиональный центр преподавания иврита**

Язык иврит: исследование и преподавание

Материалы XVII Международной ежегодной
конференции по иудаике

Том III

Академическая серия

Выпуск 32

Москва 2010

**The Moscow Center for University Teaching of Jewish
Civilization “Sefer”**

The Inter-Regional Centre of Hebrew Teaching

Hebrew Language: Research and Teaching

Proceedings of the Seventeenth Annual International
Conference on Jewish Studies

Volume III

Academic Series

Issue 32

Moscow 2010

Общая редакция: Е.Б. Марьянчик, Ю.Н. Кондракова

Editorial Board:

Evgueny Marianchik, Yulia Kondrakova

Издание осуществлено при финансовой поддержке

Published with the support of

Американского Еврейского Объединенного
Распределительного Комитета (Джойнт)

The American Jewish Joint
Distribution Committee (Joint)

Фонда Ави Хай

Avi Chai Foundation

ISBN 978-5-98604-197-1

© Центр научных работников
и преподавателей в вузах
"Сэфер", 2010

© Межрегиональный центр
преподавания иврита, 2010

© Коллектив авторов, 2010

Языковая абсорбция новых репатриантов в Израиле (на примере русскоязычной и эфиопской алии)

Какое место занимает овладение ивритом в стремлении репатриантов в Израиле приспособиться к новой жизни? От ответа на этот вопрос зависит стратегия поведения новых *олим* в течение долгого срока после приезда в страну. Можно избрать для себя любую форму приспособления. Некоторые предпочитают, прежде всего, найти работу и жилье, встать на ноги в финансовом отношении, а по ходу дела овладеть ивритом благодаря непосредственному общению с израильянами. Тогда можно обойтись без занятий в ульпане, сэкономив многие месяцы упорного труда. Противоположная точка зрения может состоять в убеждении, что стоит приложить все усилия первых месяцев пребывания в стране для систематического овладения ивритом (тем более, что это специально оплачивается государством), а прочие заботы следует оставить на потом. Между этими крайними точками зрения располагаются сотни промежуточных позиций.

Разумеется, проблема эта требует серьезного изучения и подробного изложения на многих страницах текста. Ни того, ни другого в данном случае я не предлагаю. Я намерен кратко изложить собственные впечатления, которые получил на работе в Министерстве просвещения Израиля, где занимал должность инспектора-методиста по ульпанам. Выехав из СССР в 1974 году, я в том же году поступил в Отдел образования взрослых этого министерства, поскольку еще в России занимался проблемами преподавания иностранного языка взрослым учащимся и даже защитил по этой теме кандидатскую диссертацию. Должность свою я занимал на протяжении последующих 18 лет, которые пришлось на пик алии евреев из Эфиопии и так называемой "большой алии" из стран бывшего СССР в 80-х – 90-х гг. прошлого столетия. На основе этих впечатлений я и собираюсь изложить свои соображения и выводы.

Система обучения ивриту в ульпанах страны

Что касается выбора стратегии обучения языку страны, куда репатрианты приезжают на постоянное место жительства, то любая

из них может оказаться оптимальной, за исключением одной – не изучать новый язык вообще. К сожалению, многие люди (особенно пожилого возраста) выбирают именно такой путь. Этот выбор влечет за собой жизнь в гетто прежнего языка общения, а также примирение со своим неизбежно ущербным языковым положением и связанными с ним иными ограничениями. Ни один из доводов, приводимых апологетами этого направления, не выдерживает критики; и все они сводятся, в конечном счете, к умственной лени и к отсутствию силы воли. Взрослый человек любого возраста может – в той или иной степени – овладеть новым языком общения, пусть не в совершенстве, но так, чтобы можно было вести элементарную беседу на обыденные темы. Более того, занятия языком и даже самое медленное продвижение в нем приносят радость и душевное равновесие, особенно в пожилом возрасте.

Решение, какой именно путь овладения языком избрать в активном рабочем периоде, всецело зависит от личных качеств репатрианта и от складывающихся при этом обстоятельств. Кто-то может с ходу найти работу, и тогда будет обидно не воспользоваться представившейся возможностью. У кого-то, напротив, будет много свободного времени, и тогда жалко его использовать на развлечения, вместо того, чтобы заниматься языком. Кто-то предпочтет заниматься самостоятельно, используя материалы, поставляемые компьютером, и тогда ему незачем посещать ульпан.

С моей точки зрения, систематические занятия в классе для большинства людей пока еще предпочтительнее самостоятельных занятий. Они лучше мобилизуют мотивацию учащихся, вводят сами занятия в специально приспособленное русло и в быстро формирующийся социум класса. А если еще повезет с учителем, то несколько месяцев настойчивых и целенаправленных занятий неизбежно приведут к положительному результату, как в плане овладения языком, так и в плане социализации в новой стране.

Следует, однако, всегда помнить одну истину – овладение новым языком зависит, прежде всего, от усилий самого взрослого обучаемого. Наилучший учитель и самая комфортная атмосфера в классе могут оказаться бессильными в отношении к пассивному и ленивому ученику, да еще подкрепленному соображениями, ко-

торые имеются в изобилии и с легкостью приводят к оправданию собственной лени и нежелания настойчиво и систематически заниматься языком. Тем не менее, не следует сбрасывать со счетов и вторую сторону процесса – подготовленность системы к обучению новых репатриантов языку страны, его принимающей.

Тут я с легким сердцем и с уверенностью могу сказать, что государство делало все возможное, чтобы как можно быстрее и эффективнее организовать обучение разных категорий учащихся в наиболее комфортных для них условиях. Другое дело, что в тех условиях, в которых Израиль пребывал в тот период, да и сегодня, он не мог и не может сделать много больше того, что уже сделал. Во всяком случае, по закону каждый взрослый репатриант автоматически получал право на занятия в ульпане и мог посещать его обычно недалеко от места своего проживания.

И, что самое главное, в "корзину абсорбции" были заложены деньги для проживания на тот период, который отпускаясь на овладение началами языка в ульпане, чтобы репатриант мог не заботиться о немедленном поступлении на работу. Ему вручался бесплатно один или два необходимых для занятий учебника. Классу выделялось помещение для занятий, и прикреплялся учитель, который вел уроки в течение шести дней в неделю до окончания определенного заранее курса. Обозначалось время, в которое умещался весь курс (в начале моей карьеры он состоял из 550 часов занятий; к концу работы в 1993 году сократился до 500 часов). Если на этот срок приходились праздники, то период обучения продлевался на число потерянных дней и часов. По окончании начального курса (שלב א'), если учащийся настойчиво этого требовал, изыскивалась возможность продолжения обучения на следующей ступени (שלב ב') – бесплатно либо за минимальную плату.

Для обеспечения этих исходных установок в большинстве районов страны были открыты многочисленные ульпаны различного профиля: для проведения общего начального курса; специальные ульпаны с профессиональным уклоном (например, для медиков, которые с самого начала обучались медицинской терминологии); ульпаны второго и даже третьего уровня и пр. В каж-

дом ульпане был директор и штат учителей, а также обслуживающий персонал. Все они находились в подчинении нашего отдела, который размещался в здании министерства в Иерусалиме, а территориальные управления находились в четырех округах: центральном (в Иерусалиме), Тель-авивском, Хайфском и Южном округе (в Беер-Шеве).

На окружные управления были возложены все конкретные задачи по организации процесса обучения: открытие классов, обеспечение их учителями, снятие для них помещений¹, организация экзаменов, выдача дипломов, текущее руководство и инспекция работы ульпана. На министерский же отдел приходилось установление общей политики и режима обучения, а также методическое руководство (внедрение новых методов, написание учебников и учебных пособий, чем я, собственно, и занимался).

То, что государство активно вмешивалось в языковую абсорбцию новых репатриантов, объяснялось очень просто. Таким образом, оно получало законченных специалистов, не тратя почти ни гроша на их подготовку. Нашими клиентами обычно были люди, прошедшие многолетнее обучение по конкретной специальности в стране исхода и имевшие стаж работы по той же специальности. Они готовы были отдавать государству свои знания и умения, но отсутствие языка препятствовало их немедленному использованию. Оставалось привить им первичные навыки общения на иврите, познакомить с профессиональной терминологией по их специальности, а также определить их действительную профессиональную ценность (чтобы работать по специальности, учителя, медики и экономисты должны были еще подтвердить свои профессиональные навыки). Для этих целей существовали также специальные ульпаны. Но все эти затраты времени и труда не шли ни в какое сравнение с ценностью получаемых специалистов, пригодных для немедленного их использования на конкретных рабочих местах, так что наша работа в ульпанах окупалась потом сторицею. Существовали и другие виды ульпанов: для студентов во всех без исключения

¹ В крупных ульпанах были свои постоянные места для занятий (прим. авт.).

университетах страны, для школьников в школах, ульпаны при киббуцах, некоторых общественных организациях и даже на производствах. Словом, страна была пронизана на всех уровнях такого рода учебными заведениями.

Если сделать обобщенный вывод, то работа ульпанов на первом этапе развития государства была полезной и необходимой. Она была к тому же и эффективной. Не будет преувеличением сказать, что большинство сегодняшних граждан Израиля (либо их отцы и матери) получили первоначальный иврит с помощью ульпанов. Худо-бедно, но азы языка приобретались в первичный период обучения в ульпанах, а дальнейшее продвижение учащихся зависело уже от них самих.

Наш опыт, кстати, был воспринят и скопирован во многих странах мира. Даже само слово *ульпан* было заимствовано у нас в странах, где возвращались к языку, преданному забвению при различных исторических передерягах. Я лично занимался в ульпане при Кардифском университете в Уэльсе. Ульпан этот предназначался для взрослых, пожелавших овладеть валлийским языком – прежним языком этой части Великобритании. Когда англичане захватили Уэльс, то с целью ускорения колонизации этого района они запретили использование валлийского языка. Через несколько столетий валлийцы решили возвратиться к своему во многом забытому языку предков. Для этого они организовали детские сады и школы с преподаванием на валлийском языке, а для взрослых, которые захотели бы изучить язык, было организовано несколько ульпанов. Валлийцы с трепетом следовали израильскому опыту и даже заимствовали название *ульпан* для данного типа учебных заведений.

Сказанное вовсе не означает, что ульпаны функционировали без сучка и без задоринки. Напротив, в их работе имелись зияющие недостатки. Основная беда состояла в том, что никто не мог сказать, сколько же ульпанов потребуется на следующий год, ибо ответ на этот вопрос напрямую зависел от предстоящего в следующем году потока приезжих. А это никто не мог заранее предсказать. Поэтому данная система учебных заведений могла неожиданно увеличиться в несколько раз за короткий промежуток времени, а могла и существенно сократиться.

Это приводило к тому, что в срочном порядке приходилось импровизировать: открывать улыпаны в местах, где их раньше не было, разыскивать и оборудовать для них временные (!) помещения; набирать новых учителей, которых в данном месте могло и не оказаться; срочно готовить их для выполнения незнакомой им ранее работы, запускать в классы, проверять, контролировать и т.п. Словом, открывать абсолютно новое производство, которое могло закончиться по окончании всего одного курса. Причем делалось это наспех, потому что в том или ином месте собиралось десять-пятнадцать вновь прибывших семей, и они "срочно-срочно" требовали открыть класс для обучения ивриту. Кому было интересно сидеть без дела в какой-нибудь дыре и ждать у моря погоды?

Впрочем, такого рода импровизация была вообще характерна для деятельности молодого государства, которое делало первые шаги по сотням различных направлений, не зная, которому из них отдавать предпочтение. Первые улыпаны появились вскоре после объявления государства в 1948 году. Они отвечали тогдашним обстоятельствам – приезду в страну массы евреев, не имевших общего языка.¹

Постепенно выделились улыпаны, которые на протяжении длительного срока функционировали бесперебойно; это были улыпаны в крупных населенных пунктах. В них мало-помалу создавался постоянный коллектив учителей, познававший на практике, как лучше преподавать иврит различным категориям

¹ Первый улыпан был создан в Иерусалиме, столице нового государства, в 1949 году. Это был улыпан "Эцибн" (עִיבֵן), существующий еще и поныне. Когда мы в 1974 году отмечали его двадцатипятилетие, то на встрече присутствовал Эфраим Кишон, один из столпов современной израильской литературы, создатель в ней юмористического направления. Он репатриировался из Венгрии и совсем не знал иврита. Кишон был учащимся первого выпуска улыпана "Эцион". На встрече он очень смешно рассказывал, как забрался после нескольких месяцев учебы в автобус, а тот продолжал долго и нудно стоять на остановке. Тогда Эфраим сказал свое первое слово на иврите: "עב", – сказал он, что означает "Езжай, наконец!". Занятия в улыпане дали толчок его творчеству на иврите, ныне известному во всем мире (прим. авт.).

учащихся. Эти учителя получали постоянный рабочий статус со всеми вытекающими для работника привилегиями. Они были нашей опорой – у них накапливались учебные материалы и опыт преподавания, они могли участвовать в создании учебников и иных учебных пособий, могли натаскивать молодых учителей, только-только пришедших на работу.

А их приходилось именно натаскивать, потому что в стране не было и нет ни одного учебного заведения, где готовились бы учителя для преподавания иврита взрослым учащимся. Иногда в том или ином колледже возникало подобное направление, но оно не могло продержаться долго. Кто пойдет изучать специальность, которая не может дать уверенность в завтрашнем дне? Какой студент будет готовиться к работе, которая сегодня есть, но которой завтра может не быть? К работе, на которой ты получаешь после каждого учебного года письмо об увольнении, и только в сентябре можешь получить (а можешь и не получить) письмо о продлении с тобой договора до конца нового учебного года? Эта ситуация была постоянной во все время существования государства, а на период крупных волн репатриации только усугублялась, о чем я расскажу ниже.

Нас спасала лишь удивительная готовность евреев к импровизации, их постоянная приспособляемость к любым случайным и непредвиденным обстоятельствам. Меня всегда изумляло и покоряло мужество даже самых молодых преподавательниц, которые преодолевали свой страх перед взрослой аудиторией и свое незнание даже азов преподавательского мастерства. Рука не поднималась писать в отчете о посещении урока что-либо отрицательное, хотя с точки зрения учащихся их курс был во многом провальным. Были, разумеется, и такие, которых ни при каких обстоятельствах не следовало пускать на роль наставников и учителей иврита, но таких было абсолютное меньшинство. Увы, зачастую и в этих случаях приходилось помалкивать, так как было невозможно остановить работу класса и оставить учащихся вообще без поводыря.

Во многом лимитировало работу ульпанов то простое обстоятельство, что *учебное заведение* начинается только по дос-

тижению некоей "критической массы" учащихся и персонала их обслуживающего. Без этого учреждение не может именоваться "учебным заведением". Только в учебном заведении можно построить нормальный процесс преподавания: собрать коллектив учителей, создать полноценные классы, организовать кабинеты, мастерские, лаборатории и все прочее, необходимое для нормальной учебы. К сожалению, только самые крупные ульпаны страны отвечали такого рода требованиям, и лишь в них могла идти речь об усовершенствовании учебного процесса, об экспериментальных классах и тому подобных вещах. Поэтому эксперименты, которые я постоянно предлагал, проводились лишь в крупных ульпанах, а масса маленьких ульпанов так и оставались заброшенными.

Забегая вперед, отметим, что именно это обстоятельство привело к самому большому кризису в ульпанах страны в последнее время. Стали даже поговаривать, что ульпаны как специфическую институцию надо вовсе ликвидировать. В значительной степени на это повлияло развитие и широкое распространение компьютеров, дающих сегодня реальную альтернативу коллективному обучению языкам. Не секрет, что коллективный процесс обучения всегда приводит к некоему усреднению преподавания, поскольку невозможно на протяжении урока оказывать одинаковое внимание всем сидящим в классе. Разнообразие же компьютерных программ позволяет наладить эффективную коммуникацию обучаемых с машиной. Учащийся может получить именно тот учебный материал, который его интересует, причем в нужном для себя темпе и с тем количеством повторений, которые необходимы до полного его усвоения. Он может наладить обратную связь с компьютером и узнать, верен ли его ответ на вопрос, либо нет. Короче, учебный процесс как таковой можно сегодня наладить, не обращаясь к помощи ульпанов и даже не выходя из дома. Разумеется, при этом теряется социальная компонента коллективного обучения, но это намного перекрывается повысившейся эффективностью овладения новым языком.

Это – самым кратким образом о системе преподавания иврита, сложившейся в Израиле. Теперь о двух пиках активности

этой системы во время массовой алии из Эфиопии, а потом и из развалившейся российской империи.

Языковая абсорбция эфиопских евреев

Пройдемся сначала по общему историческому фону, приведшему к этой алии. Как известно, в древние времена в *Эрец-Исраэль* жило 12 еврейских колен. С завоевания ассирийцами Северного Царства началось расселение евреев по всему миру. Сохранились достоверные сведения лишь о двух коленах (Иуды и Вениамина, да еще о Левитах, выполнявших особую функцию служения в Храме). Из двенадцати перечисленных в Танахе колен десять бесследно исчезли, растворившись среди народов, на территории которых они проживали. Много усилий было потрачено для выяснения судьбы исчезнувших племен, но в большинстве случаев эти поиски за давностью времени и отсутствием документированных данных оказывались тщетными. Тем не менее, кое-что понемногу прояснялось.

Одна из ветвей "дома Израиля" давно обнаруживала себя в Африке, на территории современной Эфиопии. В XVI веке в Европе объявился князь Реубени, который представлялся братом правителя мощного еврейского племени, якобы обретавшего где-то в Африке. Реубени предлагал европейцам поддержку этого племени в их колонизаторских притязаниях на востоке Африки и сегодняшнего Ближнего Востока. В конечном итоге князю не поверили и сгноили в тюрьме, но слухи о затерянном колене Израиля разошлись по миру.

Эти слухи возобновились с еще большей силой в XVIII столетии, когда исследователи верховьев Нила наткнулись на одно из племен, проповедовавших иудейскую веру на языке геэз. С тех пор контакты с этим племенем уже не прерывались. У него оказалась давняя и интересная история. Судя по устным сказаниям, данное племя всегда считало себя евреями. Они организовывали свою жизнь по обычаям древнего Израиля вокруг молитвенного дома и "кейса" (раввина), который его возглавлял. Там они возносили еврейские молитвы по книгам, сохранившимся с давних времен. Их книги буквально воспроизводили тексты эпохи Первого Храма на территории Израиля. Правда, в

них отсутствовали тексты, которые были добавлены после этого, что свидетельствовало лишь о том, что племя ушло из страны до строительства Второго Храма. Члены племени ежедневно повторяли фразу "На следующий год в святом Иерусалиме". В связи с этим можно упомянуть об одном устном предании, передававшемся из поколения в поколение.

На каком-то этапе среди жителей появился проповедник, обещавший вывести народ в Иерусалим, пройдя для этого посуху и по воде, как Моисей вывел евреев из Египта. Ему поверили, собрали свои пожитки и отправились в путь. Когда после долгих мучений добрались до моря (видимо, речь шла о Красном море), то проповедник вошел в море, а за ним и многие члены племени. Все они утонули, а оставшиеся вернулись к местам своего проживания.

Племя это считалось сильным – мужчины были воинственны, а женщины отличались красотой, – во что мы вполне можем поверить, разглядев их потомков в сегодняшнем Израиле. На протяжении истории Эфиопии они часто служили телохранителями императорского двора и основой его армии. Однако и это еврейство не избежало судьбы евреев диаспоры; время от времени оно подвергалось преследованиям и гонениям. Причина была проста – они всегда были чужаками, а их чужеродность и поклонение собственному Б-гу бросались в глаза. Недаром их называли *фалáшами*, (досл.: *чужой, пришлый*). Кстати, после того, как они появились в Израиле, велика была их обида, если кто-то именовал их подобным образом.

Когда все эти обстоятельства выяснились в XIX и далее в XX веке, возник вопрос о возможности их репатриации в возникающее еврейское государство. Особенно остро эта проблема встала в 70-е гг. прошлого столетия, когда к власти в Эфиопии пришел полковник Менгисту, свергший императора Хайле Селассие. Уже в первую неделю после переворота новой властью было убито более двух тысяч евреев. По землям, где они жили, прокатилось несколько войн, которые эфиопы вели со своими соседями; и каждая армия вносила свою лепту в страдания местных жителей, которые жили в двух районах (провинциях Гондар и Тигрит), и говорили на двух наречиях (амхарском и тигрит). Вот тогда-то эфиопские евреи стали

покидать свои родные дома (фактически, кибитки) и бежать за многие сотни километров в соседний Судан, где они концентрировались в лагерях для беженцев не без негласной помощи израильтян и американских евреев. Из этих лагерей потянулся маленький ручеек полулегальной иммиграции эфиопских евреев в государство Израиль.

Утром 18 ноября 1984 года израильтяне были разбужены сообщением, что ночью израильские самолеты вывезли из лагерей для перемещенных лиц в Судане сотни эфиопских евреев. Так началась операция «Моисей» – кодовое наименование одной из самых дерзких и широкомасштабных акций, имевших своей целью ликвидацию крупной еврейской общины путем ее полной переброски в Израиль.

За шесть недель в условиях постоянной опасности вмешательства враждебных Израилю сил удалось переместить сюда более восьми тысяч человек. Операция «Моисей», наряду с операцией «Энтеббе» и бомбардировкой иракского ядерного реактора, была одной из самых славных страниц в истории молодого государства. Она произвела на израильское общество неизгладимое впечатление; незнакомые люди ходили по улицам с просветленными лицами и говорили друг другу приятные вещи.

Но так удачно начавшуюся операцию следовало дополнить длительными и конкретными продолжениями по интеграции новых граждан страны в израильское общество. В частности, нам предстояло научить их общаться с нами на иврите. Были срочно организованы центры абсорбции, а при них ульпаны, но никто даже приблизительно не знал, как обучать ивриту выходцев из Эфиопии. Мы все были в панике. Подумав, я пошел к своему начальнику и попросил его отпустить меня в один из вновь организованных ульпанов, чтобы самому попробовать преподавать учащимся новый для них язык. Так я рассчитывал ближе узнать тех, с кем нам придется иметь дело в течение нескольких предстоящих лет. К счастью, начальник со мной согласился, и я поехал в Кирьят-Гат, куда поселили несколько сот приехавших из Эфиопии евреев. Там я провел два полных месяца, преподавая

иврит в одном из классов и одновременно знакомясь с нашими новыми подопечными.

Конечно, за два месяца нельзя было сделать глубоких выводов, но все же даже первые впечатления оказались полезными и привели к некоторым конкретным решениям. Во-первых, я понял, что нам предстоит длительная и непрекращающаяся работа на много лет вперед. Дело шло не о коротком курсе ульпана по внедрению основ нового языка. Если мы намеревались инкорпорировать целую общину в свою среду (а именно этого мы и хотели), то приходилось признать, что придется растянуть наши усилия на многие годы, а, может статься, и на несколько поколений. Большинство репатриантов из Эфиопии, особенно старшего возраста, были неграмотными; они не умели ни читать, ни писать на своем языке, не говоря уже о знании какого-либо иностранного языка. Они были, что называется, людьми от сохи, да еще сохи примитивной и просто не имели понятия об азах современной жизни. К тому же, большинство из них были обречены остаться таковыми до конца дней своих.

Но не все были неграмотны. Некоторые молодые люди имели за плечами несколько лет начальной школы, а некоторые даже учились в школах Адис-Абебы и немного знали английский язык. Мысли молодежи были устремлены в будущее. Они были полны эйфории по поводу своего освобождения из плена прежней жизни, мечтали войти в израильское общество и преуспеть в нем. Все как один жаждали закончить курс средней школы и поступить в университет. Слово *университет* было любимым словом, чаще всего звучавшем в беседах молодых евреев из Эфиопии. Увы, лишь немногим из них довелось в нем учиться.

Я слышал такую историю. Иерусалимский университет собрал в своих стенах группу молодых людей, которые по формальным данным имели право на поступление в вуз. Но когда дошло дело до простого психотеста, прохождение которого является необходимым условием для поступления в университет, то все они его провалили. У них полностью отсутствовала база логического мышления, характерная для любого юноши или девушки с обычным средним, скажем, европейским образованием. Пришлось отправить всю группу на еще один годичный

курс подготовки к университету. Не знаю окончания этой грустной истории, но она отчетливо говорит о том, что отличало эту волну репатриантов: отсутствие навыков жизни в современном технологическом обществе. Государство не скупилось на затраты. Ни один из тех, кто претендовал на высшее образование, не был лишен такой возможности из-за недостатка денег. Ему всегда были готовы помочь, если он со своей стороны оказывался способным овладеть высотами науки.

Что касалось изучения иврита, то тут я столкнулся с уже знакомой мне по русскоязычным группам картиной. Все люди подобного плана (с малым образованием и недостаточно развитым абстрактным мышлением), способны на первом этапе продвинуться вперед гораздо быстрее, нежели люди с высшим образованием и интеллигентскими навыками. Они, подобно детям, хватают язык "с лета", нисколько не задумываясь над законами его употребления и логикой построения фразы. Поэтому на самом первом этапе они начинают щеголять запомнившимися фразами и оборотами и способны объясниться на простейшем уровне, ведя незамысловатый разговор, к тому же полный ошибок. Их не донимают страхи более грамотных взрослых учащихся ошибиться либо не так построить предложение. Они говорят и быстро овладевают основами устного общения. Но на этом они чаще всего и останавливаются...

В самом деле, если поставить перед собой задачу овладеть простейшими навыками устной речи, то ее можно решить в течение первых месяцев обучения. А дальше многим и не нужно продвигаться в новом для них языке. Когда же ставится цель сделать свой язык красивым и охватывающим все, вплоть до самых высоких культурных достижений, то для ее достижения приходится потеть годами, если не всю жизнь.

Как правило, именно такую цель ставили перед собой репатрианты с высшим и даже со средним образованием, для которых иврит уличного общения был недостаточным. На первом этапе овладения языком они серьезно отставали в приобретении навыков устной речи, постоянно задумываясь о внутренних связях слов в языке, и боялись ошибиться в своих высказываниях. Зато потом они

постепенно нагоняли своих более резвых товарищей по классу и далее уходили в такие выси, куда те никогда не проникали. То же самое наблюдалось мною в "экспериментальном классе". Но там обстановка была в среднем значительно сложнее, чем в самом обычном классе любого другого ульпана.

Стало ясно, что нам придется обучать не столько ивриту, сколько самым простым логическим навыкам, и что этот процесс протянется значительно дольше, нежели в обычных ульпанах. А для этого следует открыть специальные ульпаны, обеспечить их учителями, которые бы постоянно работали с этой категорией обучаемых, создавать для них специфические учебные пособия, не ограничиваясь теми, которые уже были в ходу в прежних ульпанах. Необходимо выделить из среды репатриантов группу потенциальных лидеров, которые бы поднялись над общей массой и повели потом за собой остальных. Поняв хотя бы вчерне, что нам нужно было делать, мы приступили к работе.

Оформились отдельные центры абсорбции, куда попадали все эфиопские евреи, прибывавшие в страну. С ними имели дело специально подготовленные социальные работники и учителя иврита, ранее успешно прошедшие испытание в аналогичных классах. Они постоянно встречались и обменивались опытом, и их часто собирали на краткие встречи по повышению квалификации. Из их же числа выдвинулись специалисты, которые готовили новые кадры учителей для такого рода классов.

Работники министерства, в свою очередь, обеспечивали подготовку учебных пособий для классов с евреями из Эфиопии. В частности, под моим руководством был создан небольшой по размеру словарь для изучающих иврит репатриантов с амхарским и параллельно с тигринским языком. В его создании активное участие принял профессор Б. Подольский, который преподавал амхарский язык в Тель-Авивском университете. Разумеется, такой словарь был полезен только для тех, кто мог читать хотя бы на своем языке, но таких становилось с каждым годом все больше.

Были выпущены специальные книги для чтения с текстами, отражавшими прошлое племени, его легенды и другие устные сказания. Наконец, мы записали магнитофонную кассету, по ко-

торой обучаемые могли тренироваться на улучшение произношения на иврите. Поскольку такая же кассета была сделана и для русскоговорящих учащихся, я позволю себе сказать о ней несколько слов. Я провел специальное исследование, чтобы выяснить, какие фонетические трудности стоят перед учащимися каждой группы обучаемых. Фонетика того или иного языка включает описание только тех звуков, которые характерны для него самого. Если речь идет об изучении дополнительного языка, следует выделить те специфические трудности, с которыми встретятся обучаемые той или иной группы, ибо для каждой группы они будут иными. Только выделив такие специфические трудности, можно приступить к их преодолению путем специальной тренировки. Что я и сделал отдельно для русскоговорящих учащихся¹ и отдельно для евреев из Эфиопии.

Следует указать, что алия из Эфиопии не прекратилась по окончании операции «Моисей». Тогда смогли "подняться" в Израиль только некоторые беженцы, сумевшие добраться до Судана. Иммиграция из Эфиопии продолжается еще и сегодня, но сегодня мы уже добираем последние остатки некогда прославленного племени, воссоединившегося со своим народом на земле Израиля.

С момента этой операции прошло уже более 25 лет, достаточный срок, чтобы сделать некоторые выводы. Можно сказать, что языковая абсорбция одного из исчезнувших колен в целом проходит успешно, хотя далеко еще не закончилась.

Что касается первоначальной языковой интеграции, то ее можно определить даже как весьма успешную. Сегодня мы встречаем многочисленных представителей этой группы, и они воспринимаются как интегральная часть израильского пейзажа. Мы

¹ Вот те фонетические трудности, которые я выделил для русскоговорящих учащихся и которые могут быть интересны читателям статьи. Я тренировал произношение гласных "а" и "о". В русском языке безударное "о" редуцируется [карóва], [акнó] и т.д., в иврите звук [o] отчетливо сохраняется в безударном положении. Тренировался также звук [l] не похожий на русский [л]. Тренировались похожие звуки [h] и [x] и некоторые другие (прим. авт.).

встречаем их не только на улице, но и в качестве служащих в банках, водителей автобусов, охранников на различных предприятиях, одетых в военную форму солдат израильской армии. И они чаще разговаривают между собой на иврите, чем на языке страны исхода (чего нельзя сказать о русскоговорящей публике, речь о которой пойдет ниже).

Очень важно отметить, что эти люди не чураются начинать с самых первых ступеней рабочей иерархии. Для них любое занятие благословенно. Так начинают те, которые затем поднимаются все выше и выше по кривой социального успеха и нормальной интеграции в новом для себя обществе. Но для этого нужно много, очень много времени и терпения.

Языковая абсорбция русскоговорящих учащихся

Мне сложно все время говорить о "русскоговорящих учащихся", я предпочитаю использовать термин *русские евреи*. Этот термин будет относиться к евреям из всех частей бывшего Советского Союза, и к членам их семей, включая представителей различных иных национальностей. Единственной общей и всех объединяющей чертой будет служить то, что они использовали для общения русский язык и принадлежали ранее к русской культуре (что бы под этим ни подразумевалось) по образованию и прежней жизни.

Следует также указать, что такие люди появились на территории Палестины задолго до объявления государства Израиль в 1948 году. Они практически создавали это самое государство и составляли костяк еврейского поселения с самого начала его существования. От этого и постоянное присутствие в Палестине русского языка, русскоязычной литературы и культуры вообще, российских песен и мелодий, особые связи со страной исхода и интерес к России и ко всему русскому (вернее, российскому).

В этом кроется также одна из характерных особенностей языковой абсорбции русских евреев – изобилие разнообразных мероприятий на русском языке, способных удовлетворить вкус самого образованного человека. Таким образом, эта группа населения имела и имеет в своем распоряжении множество альтернативных источников для времяпровождения и даже профессио-

нальных занятий. А это, в свою очередь, отрицательно влияет на необходимость приобщения к иврито-ориентированным истокам, утоляя насущные потребности в культуре и повседневном общении вообще с помощью русского языка.

Я убежден, что если бы не было таких альтернатив, не было бы и столь распространенного среди русских евреев пренебрежительного отношения к ульпанам и к необходимости вообще изучать язык страны. Находясь в полной языковой изоляции, совсем иначе пришлось бы относиться пусть к недостаточным, но все же поддержанным самой жизнью возможностям изучать язык страны обитания. А так мы имеем на сегодняшний день телевизионный канал, беспрестанно вещающий по-русски, радио РЕКА, включенное на полную мощность в большинстве домов олим из России, более десятка русскоязычных газет и все прочие возможности на "великом и могучем". По моему мнению, это – одна из основных причин, которые помогают многим русским евреям оправдать свое нежелание изучать язык еврейского народа.

Такая ситуация не была характерна для первого периода заселения страны и даже для периода, когда я приехал в Израиль. В начале пути, когда иврит только начал возрождаться, евреи тщательно ограждали его от конкуренции, действуя весьма решительно в этом направлении. В частности они ограждали его от языка идиш, который в некоторых поселениях даже запрещалось использовать. Это была необходимая мера, так как иврит был еще очень слаб и не мог конкурировать с любым другим языком, тем более с широко распространенным и любимым многими поселенцами языком идиш. К середине 70-х гг. прошлого века иврит уже не был таким беззащитным, но и тогда государство не позволяло всем прочим наречиям, завезенным сюда из разных уголков земного шара, открыто ему оппонировать. Исключение делалось только для английского языка, который уже тогда имел репутацию всемирного и представлял те страны, которые симпатизировали нам на международной арене и помогали деньгами и оружием.

Тем не менее, то обстоятельство, что элитные группы в стране состояли из людей, для которых русский был родным

языком, сыграло положительную роль. Для этой группы учащихся все время создавались учебные пособия. Было несколько двуязычных иврит-русских и русско-ивритских словарей. Были написаны также учебники с сопровождением на русском языке и некоторые другие книги. Но все это было весьма примитивным и не отвечало требованиям нового времени. Методика преподавания иврита в ульпанах также была весьма примитивной, и передо мной открылась целина, готовая к обработке. Однако первые мои задумки оказались неудачными, хотя по своей идее и обещали большую выгоду.

Вначале я предложил перестроить обучение по схеме, принятой в университетских ульпанах. Там первый год учебы для будущих студентов, не владевших ивритом, начинался с подготовительных курсов, которые целиком посвящались овладению языком. Только после сдачи экзаменов по ивриту студенты допускались до слушания основных курсов. Занятия языком в университетском ульпане были дифференцированными: существовали уроки устной речи на иврите, уроки письма, ивритской грамматики и профессионального иврита, потребного для слушания лекций по той или иной специальности. В обычных же ульпанах в класс приходил один и тот же учитель, который находился с учащимися с начала и до конца курса. К его произношению учащиеся привыкали, а за пределами ульпана часто не понимали простейших фраз, к ним обращенных.

Понимая, что возможности ульпана не позволят мне развернуться на полную мощность, я все же предложил ввести преподавание двух учителей в одном и том же классе: один должен был вести общий курс, а второй – преподавать грамматику. Я предложил, чтобы в двух классах, которые начинали курс в одно время, каждый из двух учителей специализировался в одном из этих направлений. Мне удалось уговорить директора одного из ульпанов в хайфском округе и двух его преподавателей начать такой эксперимент. Они согласились, причем я ничем их не ограничивал, и они вели курс по своим собственным разработкам.

Такой эксперимент я провел дважды – один за другим. Все, казалось бы, были довольны, но ни в одном ульпане предло-

женная мною схема не утвердилась. Причина была налицо: для согласованной совместной работы требовалась постоянная координация усилий обоих учителей – изо дня в день. А этого ни один из них позволить себе не мог. Все они были обременены семьями (обычно это были женщины) и после работы спешили домой. Компьютеров тогда не было, а платный телефон для согласования планов не годился. Словом, учителя предпочли продолжать работать по старинке, не озабочивая себя дополнительной нагрузкой.

Следующий эксперимент оказался еще более неудачным. Я предложил учащимся одного из ульпанов записаться на дополнительный курс, который не касался их основных занятий. Каждый желающий получал персональный магнитофон (компьютеров еще не было) и к нему учебные кассеты. В отдельном помещении он мог слушать кассеты и выполнять по ним упражнения. Предполагалось, что такой добавочный курс повысит мотивацию учащихся и ускорит овладение ими ивритом. Представьте мое изумление, когда я узнал, что записалось всего пять человек из более, чем ста учащихся ульпана. Остальные предпочли заниматься по принятой системе и не форсировать учебный процесс. Я провел эксперимент и, разумеется, двое или трое учащихся, которые настойчиво занимались самостоятельно и сделали все предложенные им упражнения, показали значительно лучшие результаты, нежели обыкновенные ученики. Один из них (врач из Канады) стал впоследствии генеральным директором Министерства здравоохранения Израиля. Но стало понятным, что давление на новых репатриантов, пусть даже с благой целью забыть все остальное и заниматься только языком, не встретит у них должного понимания.

В дальнейшем я умерил собственный радикализм и предлагал более взвешенные и приемлемые для системы методические новации. Апофеозом моей деятельности в этом направлении, пришедшимся как раз на пик большой алии из России, было предложение о внедрении в ульпанах минилабораторий. В лабораториях предлагалось собрать все существовавшие тогда средства наглядности и созданные для них учебные материалы, назначить

одного учителя ответственным за кабинет и проводить в нем занятия, по крайней мере, один раз в неделю для каждого класса. Планировались также проводить самостоятельные занятия студентов для всех желающих во внеклассное время.

Учитель, отвечавший за лабораторию, должен был хорошо знать все имеющиеся в его распоряжении приборы (магнитофоны, проекторы, а также уже входившие в моду компьютеры) и материалы к каждому из них. Он также должен был все время создавать к этим приборам новые письменные и устные упражнения, направленные на развитие тех или иных языковых навыков и умений для каждого этапа обучения. Когда в кабинет приходила группа во главе со своим педагогом, ответственный за кабинет должен был снабдить каждого ученика нужными материалами, проинструктировать его, как ими пользоваться, а также помочь преодолеть возникающие технические трудности.

Это начинание оказалось весьма приемлемым для ульпанов в тех рамках, в которых они тогда существовали, и встретило понимание самих учителей. Посещение лаборатории стало для них разнообразием, своего рода отдушиной в нудной и набившей оскомину ежедневной работе. Многие из них охотно предлагали свои разработки для имевшихся в кабинете электрических устройств. Учащимся же было полезно слушать разные голоса на иврите, работать с записями и микрофильмами в индивидуальном для каждого из них режиме. Словом, это предложение понравилось, и к концу моей работы насчитывалось уже 35 ульпанов с мини-лабораториями. Они во многом изменили учебную атмосферу в подведомственных нам учебных заведениях.

Было бы ошибкой не упомянуть в этой статье так называемую "большую русскую алию" из развалившегося Советского Союза. Она началась в конце 80-х годов прошлого века и продолжается, фактически, по настоящее время. Эта алия изменила Израиль до неузнаваемости от А до Я. Изменилось все: политическая, экономическая, военная и культурная структуры жизни в стране. Ничего удивительного в этом нет: население увеличилось на одну пятую часть. Теперь каждый пятый или шестой житель Израиля говорит по-русски, а многие из них думают

совсем иными категориями, нежели коренные израильтяне. Метаморфозы не могли не коснуться и системы языковой абсорбции, то есть ульпанов.

Начало этой алии пришлось на период, когда волна приезжих из Эфиопии начала спадать. Как сейчас помню одно из многочисленных заседаний, посвященных проблемам ульпанов приблизительно через год после начала большой алии. На нем приводились такие данные. До начала "девятого вала" было зарегистрировано около четырехсот учителей иврита во всех без исключения ульпанах нашего ведомства. К моменту отчета их уже насчитывалось примерно около 2300. Но ведь такого количества учителей иврита для взрослых (а, может быть, и вообще) в стране просто быть не могло. Нам пришлось набирать в учителях всех, кто подворачивался под руку, и открывать ульпаны в местах, где их никогда не бывало.

Срочно организовывались краткосрочные курсы подготовки учителей, а то ограничивались и краткими наставлениями перед тем, как запустить преподавателя во вновь организованный класс. Результат мог быть только один – полный или почти полный провал.

На сей раз еврейская изворотливость и способность к импровизации, хотя и сыграли свою роль, но не смогли преодолеть все недостатки в обучении ивриту огромных аудиторий, состоявших в основном из грамотных и самостоятельно мыслящих людей. Классы были переполнены; иногда вместо 15-20 слушателей в них сидели более 40 человек. Поднялась волна справедливой критики, на которую нечем было отвечать. Кто-то из обучаемых самостоятельно компенсировал огрехи такого обучения, а кто-то на всю жизнь остался «языковым инвалидом». От их гневной критики система ульпанов не может оправиться до сих пор.

Прошло около двух десятков лет. За это время много воды утекло и многое изменилось. В дело вмешались еще два обстоятельства, которые с течением времени стали играть все более решающую роль. В странах бывшего Союза с самого начала массовой иммиграции стали один за другим открываться ульпаны с местными учителями. Через эти ульпаны прошли многие тысячи людей, впоследствии репатрировавшихся в Израиль.

Сначала центры обучения ивриту на местах были очень слабы и сильно уступали ульпанам в Израиле. Постепенно они набирали силу и, в конце концов, многие из них перегнали по своим возможностям израильские ульпаны.

Учителя в них набирались опыта и постепенно улучшали свои педагогические навыки, в частности, благодаря профессиональной помощи из Израиля. Значительным преимуществом этих учителей была возможность свободно объясняться с учениками на родном языке. Мало помалу, обучающиеся ивриту стали самостоятельно осваивать компьютерное его обучение, которое семимильными шагами шло вперед, обрастая все новыми и новыми возможностями.

В настоящее время обучение с помощью компьютера стало конкурировать с любыми коллективными методами обучения. И это второй фактор, который работает не на принятию в большинстве стран форму группового обучения языку. Для очень многих дистанционное обучение с помощью компьютера, в частности, при помощи разнообразных программ видеосвязи, оказывается предпочтительней, как с точки зрения индивидуального подхода, так и с точки зрения удобства выбора времени обучения и его интенсивности.

В будущем я предвижу явные преимущества такого подхода к овладению языком перед любым другим подходом. Сегодня еще многие по инерции предпочитают прежние способы овладения новым языком, но это только вопрос времени и притом сравнительно короткого. Пройдет небольшой срок, и большинство взрослых будут овладевать дополнительным языком с помощью обретающего силу компьютера. Одной из первых жертв этой новой открывающейся перспективы будет, с моей точки зрения, система ульпанов, которая в прошлом сыграла весьма положительную роль, к сожалению, во многом уже принадлежащую истории.